

Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений

А.И. Подберезкин

В статье анализируется проблема приобретения неядерным высокоточным оружием функций стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Автор считает, что к 2020 г. «на прицеле» ВТО окажутся все стратегические цели на территории России и стран Евразии, которые могут быть уничтожены так называемым «разоружающим» первым ударом противника. По мнению автора, новый этап военно-технической революции, создав новые виды высокоточного оружия, вызвал не только серьезные изменения в расстановке военно-политических сил в мире, но и радикальные перемены в военном искусстве, изменив само отношение к военной силе как внешнеполитическому инструменту. Она вновь становится «используемой» в малых и крупных конфликтах и войнах. Создание Евразийской воздушно-космической обороны (ВКО) автор считает возможным лишь при военной интеграции в рамках Евразийского союза. Во втором десятилетии XXI в. опасность внезапного и массированного нападения с помощью стратегических неядерных вооружений становится политической реальностью.

Принципиально новое явление для Воздушно-космической обороны (ВКО) последних двух десятилетий – это массовое производство и быстрая модернизация конвенционального высокоточного оружия (ВТО), которое стремительно приобретает функции стратегического наступательного и оборонительного потенциалов. Между тем эта взаимосвязь не привлекает пока политического и общественного внимания. Так, в фундаментальной работе «Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы»¹ А.И. Антонова, безусловно ведущего российского эксперта, самым подробным образом рассматриваются все аспекты переговоров по ограничению вооружений, однако в ней нет раздела, посвященного этой проблеме. И неслучайно, так как многие годы, по его мнению, США сознательно уходят от ее обсуждения. Мотив ясен: чем скорее удастся ликвидировать военно-стратегическое рав-

новесие в области ядерных вооружений с помощью стратегических неядерных вооружений и военной техники (ВВТ), тем быстрее США вернут себе не только статус неуязвимости, но и реальную возможность использования по всему миру военной силы без опасения ответных мер.

В этой связи обращает на себя внимание отнюдь не случайное совпадение: переоборудование американских ПЛАРБ на носителей крылатых ракет морского базирования (КРМБ) идет параллельно с развертыванием региональных систем противоракетной обороны (ПРО). При этом вместо 16–20 БРПЛ на одной ПЛАРБ развертывается более 150 КРМБ. Под их потенциальным ударом могут оказаться практически все цели на территории России, которые рассматриваются в качестве объектов для нанесения первого («разоружающего») удара. Это позволяет ряду аналитиков полагать, что такое развертывание КРМБ к 2020 г.

Подберезкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

ВЕРОЯТНАЯ СХЕМА РАКЕТНОГО УДАРА ПО ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

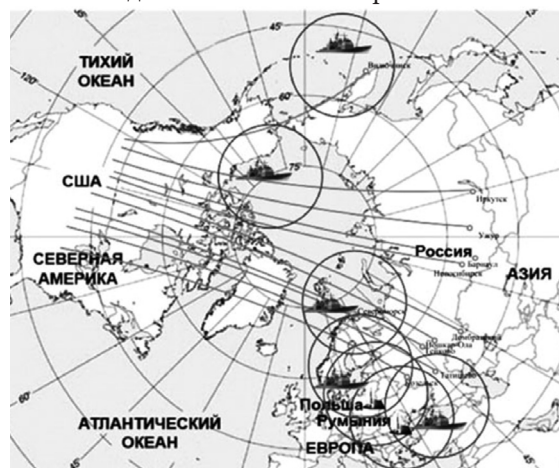
вместе с развертыванием региональных ПРО создает новую уникальную угрозу для России и Китая. Тем более, что в последние годы дальность КРМБ и их точность существенно возрастают.

Появление и стремительное наращивание стратегических неядерных вооружений стало главным новым фактором, влияющим на расстановку военно-политических сил в мире. Он таковым, к сожалению, пока что не всегда учитывается. Между тем именно такие вооружения количественно и качественно определяют сегодня как уровень вооружений и военной техники, так и направления военного искусства, и прежде всего в стратегической области, где происходит радикальный пересмотр существовавшей в последние десятилетия стратегии ядерного сдерживания («deterrence»). В основе этих перемен лежит новый этап военно-технологической революции.

Этот факт должен учитываться в том числе и на переговорах по ограничению и сокращению вооружений. В этой связи обращает на себя внимание замечание известного французского эксперта Ж.-Б. Пинателы: «... для США стратегическое превосходство более не ограничивается классическим военным могуществом. Новые информационно-коммуникационные технологии произвели переворот в военных делах. И это не стало неожиданностью. Успех боевых операций всегда напрямую зависел от способности координировать действия подразделений, занимающихся рекогносцировкой, и предположения относительно сил противника. Но новые информационно-коммуникационные технологии открывают для этих способностей поистине революционные перспективы»².

Каковы же революционные перспективы, прежде всего в военно-политической области, следует ожидать с появлением феномена стратегических

неядерных вооружений и военной техники? Прежде всего речь идет об изменении самого отношения к военной силе как внешнеполитическому инструменту. Новая роль неядерных вооружений очевидно ведет к тому, что военная сила вновь становится обычным «используемым» внешнеполитическим инструментом, и прежде всего в региональных и даже «местных» конфликтах.

Кроме того, уже радикально изменились представления о военном искусстве на тактическом уровне. Фактически война «больших батальонов» ушла в прошлое. Массированное использование сухопутных сил стало анахронизмом, уступив место нанесению «воздушно-космических – информационных» ударов и последующей оперативной «зачистке» территорий. При этом речь идет о четком определении приоритетности, когда важнейшими мишенями становятся центры политического и военного руководства. Война Израиля в ноябре 2012 г. показала, что фактически в течение одного дня была уничто-

жена половина политического и военного руководства ХАМАЗ и пусковых установок (ПУ) ракет (включая защищенные), а оставшиеся были перехвачены системой ПРО «железный купол». «Сейчас, в начале XXI в., развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет, с одной стороны, быть постоянно в курсе местонахождения своих боевых подразделений, вплоть до конкретного солдата. И даже отслеживать в реальном времени уровень усталости последнего и серьезность полученных им ранений, а то и обеспечивать ему медицинскую помощь на расстоянии с помощью «нанокапсул», внедренных в его униформу, которая все больше приобретает свойства «второй кожи»»³, – справедливо подчеркивает Ж.-Б. Пинатель.

С начала нового века стали происходить принципиальные изменения в роли неядерного оружия, которое в ряде случаев стало приобретать качество стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Речь идет прежде всего о высокоточном оружии – крылатых ракетах (КР), летательных аппаратах (ЛА), ударных беспилотниках, ракетах класса «воздух–земля» и системах ПВО–ПРО. Отмечаются, как минимум, три выдающиеся новые черты:

– во-первых, массовость производства ВТО и его использования в военных конфликтах. Достаточно сказать, что если в ходе операции «Буря в пустыне» применений ВТО составляло менее 10%, то против Югославии – уже около 100%, а против Ливии использовалось только ВТО. Есть все основания полагать, что именно неядерное ВТО станет основным средством ведения военных действий и главным внешнеполитическим инструментом влияния;

– во-вторых, массовое производство неядерных вооружений сопровождалось резким удешевлением ВТО, превращением его из экзотического средства войны в обычное, «повседневное», массовое. Это, естественно, сказалось и на масштабах производства и разработок неядерных вооружений. Ожидается, что в среднесрочной перспективе, например, общая численность КР в США достигнет десятков и даже сотни тысяч. Ожидается также массовое производство ударных беспилотников и гиперзвуковых ЛА, а также различных типов авиабомб и ракет. Подобное массовое производство ВТО неизбежно приведет к автоматизации, роботизации и в целом передаче функций управления автоматизированным алгоритмам, не зависящим от принятия политических решений;

– наконец, в-третьих, ВТО стало стремительно «расползаться» за рубеж, перестало быть привилегией только США и России. Более того, ряд стран, таких, например, как Франция и Израиль, стали лидерами в его производстве. Соответственно все дестабилизирующие последствия появления ВТО переносятся не только на отношения между великими державами, но и на региональный уровень.

Все эти три последствия имеют негативное влияние на политическую стабильность и использование военной силы в международных отношениях.

Особенно на стратегическом уровне, в частности на уровне возможностей оборонительных вооружений. Важно отметить еще одно обстоятельство: развитие ВТО идет параллельно с созданием эффективных систем ПВО и ПРО, превращая их в единый комплекс. Опыт войны Израиля против ХАМАЗ в ноябре 2012 г. показал, что с помощью ВТО можно уничтожить политико-военное руководство и наступательные вооружения даже в защищенных объектах, а с помощью ПРО – перехватить до 90% средств нападения, достигнув в итоге главной военной цели – «разоружения» противника. Это, конечно, не означает всегда политической победы, которая определяется не только военными результатами (как и в случае Палестино-израильской войны 2012 г.), но очевидно предопределяет такую политическую победу.

Эти и другие изменения в военно-техническом и экономическом аспектах развития неядерных вооружений неизбежно сказались на способах его использования, более того, всей военной стратегии государств. Так, если с помощью стратегических неядерных вооружений, по некоторым оценкам, уже сегодня можно уничтожить до 30% Стратегические ядерные силы (СЯС) России и 100% Китая, то в среднесрочной перспективе эта тенденция только усилится, даже несмотря на все меры противодействия. По сути дела, у той стороны, которая обладает подавляющим потенциалом ВТО, появляется возможность «разоружающего» (стратегического по последствиям) удара. Сказанное имеет прямое отношение к военной политике США и их союзников по НАТО, которые в последнее десятилетие резко усилили масштабы военного строительства ВТО.

Сказанное имеет прямое отношение к ВТО, которое в последнее время фактически не только интегрировало космическое и воздушное пространство в единое пространство – воздушно-космическое, – но и «размыло» его границы от районов обороны до национальных и даже территорий целых регионов. Сегодня уже нельзя обойтись обороной только одной территории, будь то район дислокации МБР или нахождения военного или политического руководства. Видимо, необходимо изначально планировать создание ВКО страны, либо (что реалистичнее) многих районов. а в будущем – ВКО ОДКБ и СНГ. Достигнутые в декабре 2012 г. в Ашхабаде решения подтверждают направление этой политики.

Есть еще одна особенность массового производства стратегически важных систем ВТО. В последние десятилетия мы являемся свидетелями бурного роста объема вывозимой США за рубеж продукции военного назначения (ПВН) вообще и ВТО в частности. По официальным данным, только в рамках правительственных программ эти объемы выражались в следующих цифрах:

2002 г. – 10 млрд долл.;
2007 г. – 18 млрд долл.;
2008 г. – 28,5 млрд долл.;

■ Воздушно-космическая оборона

2009 г. – 29,9 млрд долл.;

2010 г. – 24,4 млрд долл. (мировой экономический кризис);

2011 г. – 32,9 млрд долл.;

2012 г. – 51,6 млрд долл.⁴.

Таким образом, только по официальным каналам, поставки США за рубеж выросли более чем в 5 раз всего лишь за 10 лет. Этот фантастический рост объясняется многими причинами, но прежде всего ростом значения высокоточного оружия, а также систем ПВО и ПРО в обеспечении безопасности государств. Превращение воздушно-космического и информационного пространства в единый театр военных действий (ТВД) делает во многом искусственным прежнее деление вооружений на стратегические, оперативно-тактические и тактические, ядерные и обычные, наземные и морские. Государственная безопасность становится единым комплексом. Соответственно «расползание» ВТО за пределы национальных границ, в том числе в нейтральные воды Мирового океана, означает качественное изменение стратегической ситуации в мире. Причем в пользу того государства, которое продвигает такое оружие за пределы своих национальных границ.

В этой связи возникает много проблем, среди которых можно выделить:

- проблему морского компонента ВТО и ПРО США, который разрастается непропорционально быстрыми темпами;

- проблему союзников и территорий, на которых размещено ВТО. Очевидно, что это потенциал ВТО также должен учитываться при анализе соотношения сил;

- проблему переговоров или сознательного ограничения распространения ВТО и систем ВКО за пределы национальных территорий;

- проблему ограничения военной деятельности в космосе или отдельных регионах мира (например, нейтральных водах).

Пока что развитие неядерных высокоточных вооружений достигло такого уровня, что всерьез обсуждается вопрос на военном уровне о постепенной замене функции ядерного сдерживания неядерным. Но эта дискуссия пока что не переносится в политическую область, хотя существует объективная потребность в этом. Эта точка зрения отражается российскими экспертами, в частности, следующим образом: «Казалось бы, неядерное высокоточное вооружение играет позитивную роль, способствуя снижению роли ядерных вооружений, а следовательно, и их сокращениям. Однако просматривается и противоположная тенденция. Подавляющее преимущество в обычных вооружениях одних государств побуждает стремление других государств к обладанию ядерным оружием с целью сохранить свой суверенитет и проводить независимую политику, и таким образом подрываются основы режима ядерного нераспространения»⁵.

Складывается устойчивое впечатление, что США не только сознательно используют свое военно-техническое превосходство, изменив ставку с ядерных на обычные вооружения, но и игнори-

руют объективную потребность в переговорах по ограничению или сокращению ВТО. Более того, история всех переговоров СССР – США и России – США демонстрирует, что США всегда уходили от ограничения качественной гонки вооружений, где они рассчитывали на сохранение своего военно-технологического превосходства. Эти аргументы российских экспертов известны (хотя на политическом уровне и нечасто звучат): «Качественный скачок в развитии высокоточных неядерных вооружений начинает вызывать обеспокоенность в отношении выживаемости сокращающихся стратегических ядерных сил. В открытых публикациях рассматриваются сценарии превентивного обезоруживающего удара по российским СЯС с использованием неядерных КРМБ. Поскольку неядерное высокоточное оружие начинает приобретать контрсилловые способности, представляется резонным ставить вопрос о необходимости учета этого фактора при дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений (СНВ)»⁶.

Переговоры об ограничении и сокращении вооружений, способных выполнять стратегические функции, безусловно, необходимы, но не они являются определяющими. Прежде всего, опыт показывает, что ограничение обычных вооружений и военной техники вне какого-то конкретного ограниченного региона (например, Центральной Европы) труднодостижимы. Действительно, если количество МБР, ТБ или ПЛАРБ, исчисляемое, как максимум, сотнями, можно подсчитать, то численность обычных вооружений, исчисляемых десятками тысяч, – малореально. Тем более ввести какие-то качественные ограничения, например на танки, фронтовую авиацию либо вертолеты, которые могут оснащаться эффективным ВТО. Тем более это трудно сделать, когда процесс ограничения противоречит двум другим тенденциям – повышению качества ВВТ и его «расползанию» по всему миру. Одновременно делать и первое и второе невозможно, особенно когда этого не хочется, когда это находится вне долгосрочной стратегии.

Видимо, следует исходить из того, что в среднесрочной перспективе придется смириться с тем, что неядерные вооружения будут все более приобретать контрсилловой потенциал, точнее, потенциал упреждающего первого удара. Вместе с тем необходимо сформулировать перспективную повестку дня, когда после очередного витка гонки вооружений все равно придется вернуться к переговорам по их ограничению. Тем более что некоторый позитивный опыт есть. Некоторые типы неядерных вооружений ранее являлись предметом договоренностей между Россией и США по сокращению СНВ, и на них распространялись ограничения и меры транспарентности, полагают эксперты, и приводят пример: «В настоящее время наметилась тенденция вывода таких вооружений из-под ограничений. Наиболее яркий тому пример – тяжелый бомбардировщик В-1В. Этот тип вооружений более не является предметом Договора о СНВ. Перестали также действовать ограничения

на районы базирования В-1В вне национальной территории, и США более не обязаны уведомлять о перемещениях бомбардировщиков этого типа»⁷.

Можно привести множество других примеров, иллюстрирующих эту тенденцию – от создания гиперзвуковых летательных аппаратов (ГЗЛА) и стратегических крылатых ракет (СКР) до ударных беспилотников. Причем не только в США, но и в России. Остановимся на одном, может быть, не самом известном. Как отмечают эксперты, в 2013 г. Минобороны России начнет оснащать многоцелевые лодки проектов 971 «Щука-Б» и 877 «Варшавянка» крылатыми ракетами «Калибр», способными поражать наземные цели с расстояния от 300 до 2,5 тыс. км. Причем залпы производятся из обычных 533-миллиметровых торпедных аппаратов, которыми оснащена любая современная лодка. «Калибр» практически невозможно сбить даже самым современным системам ПВО, включая наши отечественные С-300 и С-400. А залп из внезапно всплывшей лодки может уничтожить сразу несколько ключевых объектов противника. Все это делает многоцелевые лодки, которые сейчас предназначены только для морских боев, универсальным оружием, – считают в главкомате ВМФ⁸.

В этом смысле возможности американской системы ПРО достаточно ограничены и вряд ли смогут быть увеличены в короткие сроки даже после создания новых типов ракет-перехватчиков. Но это и не очень беспокоит США, поскольку они не предполагают защищаться от российских подводных лодок потому, что планируют уничтожить их в первом ударе. Другого объяснения просто не существует.

Не беспокоят США и другие возможности новой подводной лодки. В частности, точность «Калибра»: подлодка сможет попасть в наземную цель размером в 1–2 м. В то же время 400-килограммовая боевая часть ракеты способна уничтожить любой защищенный объект, а в противокорабельном варианте – потопить любой корабль размером с крейсер⁹. По той простой причине, что США не предполагают, что они могут быть использованы в этих целях изначально. Видимо, поражение любых сил России, которые могут быть использованы против ВМФ США, предполагается в качестве наиболее приоритетных целей для первого удара. Но морскими или наземными компонентами ВС России эта тенденция не ограничивается. «В авиации она проявляется в развертывании (с определенными трудностями) нового фронтового бомбардировщика СУ-34, способного применять высокоточное оружие в любых условиях, не входя в зону поражения значительной части систем ПВО противника (до 50 км)»¹⁰.

Список типов вооружений США и России, которые можно рассматривать в качестве стратегических неядерных, не ограничивается только вооружениями. Высказываются справедливые мнения, что к ним нужно также относить обеспечивающие системы, включающие космические средства разведки и целеуказания, противоспут-

никовое оружие, ударные беспилотные аппараты и кибероружие. Действительно, информационные и управляющие системы сегодня играют решающую роль. Их важность отмечалась еще в те времена, когда разрабатывались меры по ограничению РЛС и военных действий в космосе. В будущем роль управления, в особенности управления Войсками воздушно-космической обороны (ВВКО), неизбежно должна стать предметом политических переговоров и договоренностей. Создание объединенной, а тем более единой системы ВКО, например СНГ, уже стала проблемой, которую не смогли решить в рамках Содружества в течение 20 лет. Последние решения позволяют надеяться, что импульс, данный в декабре 2012 г., будет успешным.

Но с точки зрения переговоров с США очевидно, что «если российская сторона желает добиться прогресса в дальнейшем сокращении ядерных вооружений, то придется ограничить этот список, определив приоритеты. На данный момент создается впечатление, что в списке приоритетов только МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, а также типы вооружений, которые разрабатываются в США в рамках программы «Быстрый глобальный удар»¹¹, – отмечают эксперты. Что, конечно же, не может являться долгосрочной перспективой. Нужно думать о неизбежности расширения предмета переговоров. Но пока таких переговоров нет, необходимо понимать важность происходящих процессов в ВВТ и военном искусстве. И одно из наиболее перспективных направлений – развитие евразийской интеграции в области ВКО, – которое может в реальности оказаться единственным.

Развитие интеграционных процессов в военно-политической области, в частности создание евразийской ВКО как главного элемента обеспечения региональной безопасности, зависит от готовности государств-участниц к тесному военно-политическому и военно-техническому сотрудничеству. Понятно, что степень такой готовности будет разной. И она во многом пока определяется интеграционными процессами в других областях, что, конечно, совершенно неправильно. Так, в июле 2006 г. на неформальном саммите президент Казахстана выдвинул идею «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой в СНГ может быть выделено ядро государств, готовых перейти от переговоров об условиях объединения непосредственно к самому объединению. Он предложил план реформирования Содружества, включающий пять направлений: миграционная политика, транспорт, образовательная система, вопросы борьбы с вызовами сегодняшнего дня и гуманитарная проблема. Лидеры стран СНГ предложили расширить этот список, добавив в него вопрос о формировании единого подхода в международных вопросах и общего пространства в части оборонной политики.

В феврале 2007 г. на совещании рабочей группы секретариатов Интеграционного комитета ОДКБ и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) одобрен проект перечня основных направлений взаимодействия этих международных организаций, в том числе и в военной сфере. За-

■ Воздушно-космическая оборона

ключено соглашение между Россией, Казахстаном и Белоруссией по Таможенному союзу, и с января 2012 г. функционирует единое экономическое пространство. В декабре 2012 г. принято решение о создании объединенного командования ВКО, но пока что оно лишь очень важная декларация о намерениях. Нужны весьма срочные, даже радикальные меры по военно-политической и военной интеграции. Причем во многом они будут зависеть от возможностей российского ОПК обеспечить новейшими ВВТ своих союзников. Политика «внешних заимствований» бесперспективна. Она приводит к закономерным провалам. Так, как это случилось, например, с деградацией ГЛОНАСС, от которой «вежливо» отказываются союзники по СНГ. Причина – ненадежность тайваньских микросхем и сомнительные кадровые решения¹².

Теоретически сложившаяся в ОДКБ к концу 2010 г. стратегия «кризисного реагирования» предусматривает коллективные действия для защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, а также совместные усилия по противодействию вызовам и угрозам и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Реализовать эту стратегию призваны Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), решение о создании которых принято в феврале 2009 г. Но это только теоретически. Пока что дело ограничивается заявлениями, а КСОР остаются малоэффективным и неиспользуемым военным инструментом.

Процесс возрождения единого оборонного пространства ОДКБ при лидирующей роли России, как представляется, должен идти параллельно по трем направлениям: собственно военному, военно-политическому и военно-техническому. При этом необходимо учитывать, что основное преимущество РФ перед США и их союзниками в Евразии состоит в том, что только у России существует реальная возможность в сжатые сроки наращивать группировки войск на западном и южном участках региона, а также в Центральной Азии. Это хорошо понимают, например, в Китае. Там в последние годы рассматривают Россию в качестве главной стабилизирующей силы в Евразии, способной сдерживать американскую политику «управляемого хаоса».

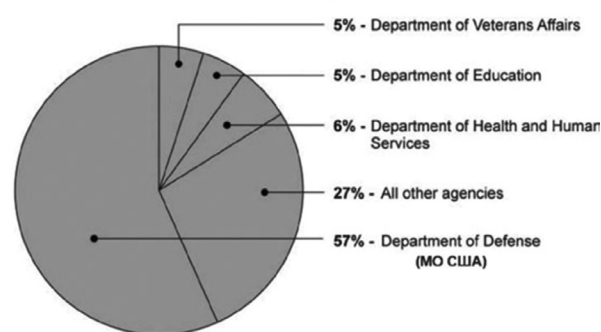
Стратегия «управляемого хаоса» в Евразии и есть реальная политика США, которая абсолютно не приемлет евразийскую интеграцию в любой ее форме, о чем недвусмысленно заявила Х. Клинтон в конце 2012 г. Эта стратегия дестабилизации политических режимов требует военно-силового обеспечения. Как показал опыт Афганистана и Ирака, она отнюдь не нуждается в окончательной победе или формировании дееспособных государств. Цель в другом – с помощью новейших систем ВТО угрожать политическим руководствам этих стран, требуя от них соответствующих действий, а в случае неудачи – использовать оружие в прямой форме, непосредственно. Поэтому, когда говорят о «провале» политики США в Афганистане и Ираке, имея в виду стабилизацию обстановки, то

она и не являлось главной целью США, ибо целью была дестабилизация и хаос. США, инвестируя не в инфраструктурные проекты, а в дестабилизацию, получают искомый результат. Публично, конечно, об этом говорится мало. В официальных документах такие цели замаскированы и носят скрытый характер.

Военное направление возрождения единого оборонного пространства ОДКБ в силу объективных причин распадается на три относительно автономные региональные направления: восточноевропейское (Россия – Белоруссия), кавказское (Россия – Армения) и центральноазиатское (Россия – страны бывшей Средней Азии и Казахстан). При этом возрождение единого оборонного пространства возможно в несколько этапов¹³. Что в принципе совпадает с действиями США. Так, в новой концепции США формально декларируется отказ от многолетней позиции, в соответствии с которой американская армия должна была быть способна вести две крупные войны одновременно. На ее место приходит другая цель – участие в одном крупном конфликте при одновременном сдерживании на другом стратегическом направлении, как максимум.

Также, согласно новой стратегии США планируют как можно дольше кооперировать с союзническими и коалиционными силами. Одна из главных целей – значительно сократить наземные войска и больше полагаться на потенциал авиации и флота, с тем чтобы сдерживать Китай или таких противников, как Иран или Северная Корея. Сокращение армии требует и менее интенсивного военного присутствия в Европе. В то же время США перенесут центр тяжести военной силы в АТР, а их «присутствие на Ближнем Востоке сохранится столь же значительным»¹⁴. Военно-силовой приоритет государства хорошо иллюстрирует распределение федерального бюджета США по основным направлениям, среди которых на МО США приходится более 57% расходов¹⁵.

Сравнение бюджетных полномочий МО США с полномочиями других федеральных агентств

Неядерным стратегическим вооружением принадлежит огромная роль в стратегии дестабилизации Евразии. С точки зрения развития воздушно-космических средств нападения и обороны следует отметить появление двух новых принципиальных моментов:

– во-первых, воздушно-космическое пространство фактически уже превратилось в единую

область для ведения боевых действий от высот в несколько десятков метров до сотен километров. Сегодня крайне трудно, если вообще возможно, выделить зоны ответственности ПРО и ПВО как по высоте обнаружения и сопровождения целей, так и по возможностям их поражения. Это неизбежно ведет к появлению новых видов и систем оружия, «расширению» военного соперничества на новые области, а также разработке новых способов ведения боевых действий. Так, в США много внимания уделялось развитию ударных беспилотников, тогда как в России в 1990-х гг. эти программы оказались в забвении. Теперь и в нашей стране создан специальный центр беспилотных программ, который должен определить перспективы этих систем оружия на ближайшие три года¹⁶. Применительно к государствам Евразии это означает, что прежний, «войсковой» подход развития ВВТ стал малоэффективным. Для защиты требуется комплекс мер, которыми они в принципе обладать не могут – от космических до систем ВКО ближней, средней и большой дальности. Причем интегрированных в единую систему территорий не одной только страны, но ряда стран. Это возможно только при тесной военно-политической и военно-технической кооперации нескольких государств Евразии. Нет смысла, например, закупать у России даже современные комплексы (ЗРК) ближнего радиуса, если они не будут интегрированы в систему дальнего обнаружения и объединены с ЗРК средней дальности;

– во-вторых, удешевление и совершенствование ВТО и ЛА создало качественно новую ситуацию, когда КР, ГЗЛА, ударные беспилотники и другие неядерные вооружения фактически уже превратились в часть стратегического наступательного потенциала, которому невозможно пока что противопоставить эффективные средства ВКО. Ответ на нападение с помощью этих средств, используя встречно-ответный удар СЯС, становится неизбежным, что признается, но требует ясного оформления в Военной доктрине России, Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики страны. Это же справедливо и для других евразийских государств, включая тех, у кого есть ядерные силы сдерживания. Непонятно, например, как будет вести себя Китай, учитывая оценки некоторых экспертов, свидетельствующие о том, что с помощью ВТО в неядерном оснащении может быть уничтожено 100% стратегических целей КНР. Тем более что подобная ситуация становится практически безвыходной для других государств. Опыт Ливии показал, что достаточно нескольких дней, чтобы дезорганизовать сопротивление и уничтожить потенциал обороны.

Перспективы развития средств поражения и информационных средств воздействия таковы, что следует ожидать уже в самом ближайшем будущем радикальных изменений во всем балансе стратегических (ядерных) сил и средств, а также роли РВСН страны. Между тем в России сохраняется убеждение, что только модернизация СЯС приведет к сохранению ракетно-ядерного па-

ритета. На мой взгляд, только создание новых и модернизация комплексов МБР, БРПЛ и ТБ вряд ли сможет гарантировать эффективную защиту от сотен тысяч единиц ВТО, используемых с практически всех стратегических направлений. Тем более что подлетное время таких средств все время сокращается, точность увеличивается, а координация между ними совершенствуется. Можно уже достаточно точно представить себе авиационный налет, в котором участвуют десятки (сотни) тысяч ударных беспилотников, гиперзвуковых и крылатых ракет, уничтожающий практически все стратегические цели на нашей территории. Силы же ответного удара могут быть нейтрализованы глобальной системой ПРО США.

Кроме того, следует очень внимательно отслеживать эволюцию НИОКР, создания и развития неядерных высокоточных вооружений, концепций их использования и распространения в другие регионы планеты. Во многом это вносит и существенные коррективы в планы развертывания систем ВКО России и концепции их использования. Но не только. Похоже, что постсоветские государства слишком увлеклись своей многовекторной политикой и балансированием между различными центрами силы, не осознавая, что в конечном счете им придется все-таки определяться с приоритетами. В том числе и в военной области, прежде всего в области обычных новейших вооружений. Это – политический выбор, который должны сделать все страны Евразии. В том числе, как справедливо считают эксперты, и по формированию консенсуса относительно политики в отношении США, Китая и Евросоюза¹⁷.

Объективно возникает и вопрос о переговорах по ограничению стратегических неядерных вооружений не только в Европе, но и в Евразии, несмотря на всю трудность этой проблемы. Следует напомнить, что еще при подписании договора ДОВСЕ¹⁸ в его мандате подчеркивалась важность сохранения стабильности, ликвидации потенциала для внезапного нападения¹⁹. Во втором десятилетии XXI в. именно опасность внезапного и массированного нападения с помощью ВТО становится политической реальностью, которую необходимо перестать игнорировать. Во всяком случае, эта проблема должна быть сформулирована и поставлена в повестку дня.

Потенциальная опасность непосредственного использования военной силы с помощью новейшего ВТО растет и со стороны быстро развивающихся государств. Это хорошо видно из данных, иллюстрирующих закупки вооружений. Причем КНР, например, всего лишь за 10 лет превратился из крупнейшего импортера В и ВТ в производителя и экспортера, что хорошо видно из данных СИПРИ. Кроме того, стремительно растет импорт вооружений и военной техники Индии, Южной Кореи, Пакистана, Турции и ряда других государств²⁰. В целом военные расходы этих стран только за 10 лет удвоились, а новые технологии стали общедоступными.

Получатели основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Получатель	Объем импорта (значение показателя тренда)						Доля в %, 2005– 2009
			2005	2006	2007	2008	2009	2005– 2009	
1	1	Китай	3511	3831	1474	1481	595	10892	9
2	2	Индия	1036	1257	2179	1810	2116	8398	7
3	4	Южная Корея	686	1650	1758	1821	1172	7087	6
4	3	ОАЭ	2198	2026	938	748	604	6514	6
5	5	Греция	389	598	1796	563	1269	4615	4
6	6	Израиль	1113	1117	859	665	158	3912	3
7	14	Сингапур	543	52	368	1123	1729	3816	3
8	7	США	501	581	731	808	831	3453	3
9	11	Алжир	156	308	471	1518	942	3394	3
10	13	Пакистан	332	262	613	939	1146	3292	3
11	10	Турция	1005	422	585	578	675	3264	3
12	23	Малайзия	51	410	546	541	1494	3041	3

Поставщики основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Поставщик	Объем экспорта (значение показателя тренда)						Доля в %, 2005– 2009
			2005	2006	2007	2008	2009	2005– 2009	
1	1	США	6600	7394	7658	6093	6795	34539	30
2	2	Россия	5321	6156	5243	6026	4469	27216	23
3	3	Германия	1875	2510	3002	2499	2473	12359	11
4	4	Франция	1633	1577	2342	1831	1851	9234	8
5	5	Великобритания	915	808	987	1027	1024	4762	4
6	6	Нидерланды	583	1221	1322	554	608	4288	4
7	7	Италия	743	525	706	424	588	2986	3

ВТО стремительно «расползается» по всему миру, делая потенциальные конфликты более реальными и быстротекущими. От ВТО и систем ПРО-ПВО сегодня зависит уже не только ход военных действий, но и в конечном счете суверенитет государств. Это имеет глубокие политические последствия:

– во-первых, государства попадают в серьезную зависимость от поставщиков новейших ВТО и систем ВКО, которые могут диктовать уже в мирное время им свою волю. Эти системы стали одним из главных предметов переговоров;

– во-вторых, поставки этих систем становятся средством политического давления или условием развития двусторонних отношений. Так, размещение ЗРК «Пэтриот» в Турции означало политическую поддержку сирийской оппозиции;

– в-третьих, наличие или отсутствие систем ВТО и ВКО решающим образом влияет на соотношение сил в любом регионе планеты, заведомо предопределяя способность той или иной страны сохранить свой суверенитет.

Сказанное имеет непосредственное отношение к евразийской интеграции и ЕвразВКО: интеграция в этой области становится гарантией суверенитета и независимости государства, освобождая его от внешнего враждебного влияния. Именно это обстоятельство делает проблему ЕвразВКО важнейшей политической проблемой евразийской интеграции.

Как видно из таблицы, экспортеры вооружений (кроме России) – США, Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды, Италия, Испа-

ния – контролируют более 60% мирового экспорта вооружений и военной техники, фактически устанавливая на этом рынке свои правила игры и определяя условия безопасности²¹. При этом на рынке ВТО, безусловно, доминируют США, а также их союзники – Германия, Франция и Великобритания. Россия, как один из крупнейших экспортеров, мало присутствует на рынке ВТО.

Говоря сегодня о евразийской интеграции, следует иметь в виду, что наиболее важная и перспективная ее область – сотрудничество в создании и совместном производстве неядерных (прежде всего стратегических) вооружений и систем ВКО – остается пока что в тени. Точнее, явно недооценивается. И политически, и военно-технически. Совместная деятельность в этой области неизбежно будет иметь следующие последствия для евразийских государств:

- укрепление их суверенитета;
- развитие фундаментальной науки и НИОКР, включая гражданские области;
- освобождение от технологической зависимости;

– создание общей научно-образовательной и производственной базы.

Eurasian Aerospace Defense: the Role of Strategic Nonnuclear Arms.

Summary: *The article analyses the problem of non nuclear high precision conventional arms acquiring offensive and defensive functions. The author claims that by 2020 all strategic objects in Russian will be targeted by aerospace defense systems and there's great probability that they might be destroyed by the first disarming strike of a potential adversary. The new stage of the scientific revolution having produced new high precision weapons has resulted not only in significant rearrangement of global political layout but also in radical changes in war strategy and has transformed the meaning of military power as a foreign policy tool. Once again it started to be used in minor and major conflicts and wars. The creation of the Eurasian Aerospace Defense depends on success of Eurasian integration processes in military sphere. The author believes that the second decade of XXI century might see a surprise major attack with strategic non-nuclear arms.*

Ключевые слова

Воздушно-космическая оборона, стратегическое неядерное оружие, высокоточное оружие, военная интеграция, разоружающий первый удар, тяжелый бомбардировщик, гиперзвуковой летательный аппарат, стратегические крылатые ракеты.

Keywords

Aerospace defense, the strategic non-nuclear weapon, the high-precision weapon, the military integration, disarming first blow, heavy bomber, the hypersonic aircraft, strategic cruise

Примечания

1. Антонов А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РСПЭН, ПИР-Центр, 2012.
2. Пинатель Ж.-Б. Россия – Европа: жизненно важный союз / пер. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 102.
3. Там же.
4. Новости за рубежом // ВКО. 2012. № 5 (66). С. 86.
5. Мясников Е.В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html
6. Там же.
7. Там же.
8. Михайлов А. «Калибр» позволит российским подлодкам выбраться на сушу // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.
9. Там же.
10. Михайлов А. Минобороны недоволено производителями бомбардировщика СУ-34 // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.
11. Мясников Е.В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html
12. Мясников В. Надежды Минобороны на ГЛОНАСС не оправдались // Независимая газета. 2012. 21 декабря. С. 1, 4.
13. Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.
14. Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР. Аналитическая записка. М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 5.
15. Statement of Asif A. Khan, Director Financial Management and Assurance. Challenges in Attaining Audit Readiness and Improving Business Processes and Systems. GAO-12-642T, April 18, 2012. DOD Financial Management / <http://www.gao.gov/assets/600/590203.pdf>.
16. Центр беспилотных программ Генштаба РФ определить повестку на три года / 26 декабря 2012 г. / <http://eurasian-defence.ru>
17. Ястремский А.М. Интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы // Мир и политика. 2012. № 10 (73). С. 103.
18. Договор об ограничении обычных в вооруженных силах и вооружений в Европе был подписан 19 ноября 1990 года в Париже 6 участниками Варшавского договора и 16 государствами НАТО. Вступил в силу 9 ноября 1992 г.
19. Антонов А.И., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе – конец режима или история с продолжением? / Научные записки ПИР-центр. 2012. № 1 (27). С. 9.
20. Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 345.
21. Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 349.